

А. М. Скворцов

Аспирантура по истории в 1941–1945 гг.: проблемы адаптации системы подготовки научных кадров к условиям военного времени*

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием не только для общества, но и для оформившихся в первые десятилетия советской власти различных норм и социальных практик. В настоящей статье предполагается рассмотреть систему подготовки кадров высшей квалификации по истории в аспирантуре в наиболее экстремальный период ее функционирования — в 1941–1945 гг. Незадолго до этих событий, в 1934 г., в связи с восстановлением ученых степеней, этот институт приобрел четкие организационные контуры и определенное целеполагание, хотя формально его зарождение относится к 1925 г. В военное время, с одной стороны, возникли новые вызовы, но с другой, наиболее явственно проявились не решенные в предшествующие годы вопросы.

Для понимания общей ситуации приведем статистические сведения. До начала войны в аспирантуре обучались 16 863 человека (13 169 в вузах и 3694 в научно-исследовательских институтах, из которых 1162 в институтах Академии наук СССР). К февралю 1942 г. их количество сократилось до 880 человек (800 — в вузах, 80 — в Академии наук). В 1941 г. массовый набор не производился. В 1943 г. был взят курс на восстановление научных кадров. Тогда план приема

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00259, <https://rscf.ru/project/25-18-00259/>

в аспирантуру в целом по стране не был выполнен, но численность аспирантов увеличилась на 1300 человек и составила 2700 аспирантов, а в 1944 г. — уже 6944 (5137 в вузах, 1807 — в научно-исследовательских институтах)¹.

В напряженной ситуации первых месяцев войны подготовка кадров высшей квалификации, очевидно, не являлась первостепенной задачей. Эвакуация научных и образовательных учреждений вглубь страны, большая удаленность отдельных ученых и коллективов друг от друга, неустроенность быта, выполнение новых политико-идеологических и трудовых задач, неотлаженность делопроизводства привели к ослаблению контроля Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР (далее — ВКВШ) над институтом аспирантуры и к появлению некоторых особенностей его функционирования.

На оставшихся в тылу немногочисленных аспирантов в первые месяцы (а в некоторых случаях и годы) войны ложились задачи мобилизационного и агитационно-пропагандистского характера, помимо их основной обязанности по написанию диссертации. В приказе ВКВШ от 22 сентября 1941 г., обращалось внимание на необходимость постановки в подведомственных учреждениях таких исследовательских проблем, которые соответствовали бы нуждам военного времени. ВКВШ в издаваемом им «Бюллетене» осуждал выявленные факты неисполнения этого приказа. Так, критике подверглись предложенные кафедрой всеобщей истории и кафедрой педагогики Томского университета темы: «Международное положение к началу Пелопоннесской войны» и «Арабская педагогика X–XII вв.» соответственно. Отмечалась их несвоевременность и отсутствие связи с практическими нуждами: помощью Красной армии, промышленности, транспорту и сельскому хозяйству². Но документы свидетельствуют, что даже через полгода требование по перестройке научных исследований не было выполнено повсеместно: 13 февраля 1942 г. ВКВШ снова приказывает директорам вузов «сосредоточить внимание всех научных работников кафедры на выполнении оборонной тематики, на помощи фронту, промышленности, сельскому хозяйству»³.

Общий уровень поступающих в аспирантуру заметно упал, что явилось следствием тяжелого положения дел на предшествующей ступени образования, т. е. в вузах. Ряд приказов ВКВШ — красноречивое тому свидетельство. С осени 1941 и до начала 1943 г. у обучающихся имелась возможность свободного посещения занятий⁴. 17 ноября 1941 г. университетам и институтам, располагавшимся на прифронтовой территории, было разрешено выдавать дипломы об окончании вузов без защиты дипломного проекта или без сдачи государственных экзаменов лицам, получившим экзамены и зачеты по всем учебным дисциплинам⁵. Приведенное положение действовало до конца периода эвакуации. Поскольку наблюдалась острая нехватка желающих получать высшее образование, вступительные испытания фактически были отменены: без экзаменов принимались окончившие школу не только на «хорошо» и «отлично», но и просто с положительными отметками⁶. В отчете филологического

факультета ЛГУ за 1942/1943 учебный год говорилось о необходимости проводить работу со студентами по ликвидации «литературной малограмотности» и поднятию культурного уровня⁷.

Утвержденные у аспирантов до войны темы исследования нередко изменялись после эвакуации в связи с невозможностью получить доступ к необходимым источникам и литературе. Приведем несколько примеров. Н. С. Лебедев, поступивший в византийскую группу ЛОИИ в 1940 г., работал первоначально над темой «Византия и монголы», однако эвакуация в Ташкент заставила его приспособиться к ограниченности фондов Среднеазиатского государственного университета и Публичной библиотеки Узбекистана, и он выбрал новую для себя историографическую проблематику «Академик В. Г. Васильевский как византист»⁸. Л. В. Разумовская в составе сектора славяноведения ЛОИИ с 1939 г. писала кандидатскую диссертацию о немецкой колонизации Польши XIII–XIV вв., которую в «полуоформленном» (по ее выражению) виде оставила в Ленинграде и не вывезла в Ташкент, где уже вынужденно переключилась на тему «Гельмольд как историк славянства», с которой и вышла на кандидатский диспут в 1943 г. В письме К. Н. Сербиной она выражает сожаление, что на защите никого из славистов не присутствовало⁹. Медиевист Е. В. Гутнова, поступив в аспирантуру до войны, работала над темой «Возникновение английского парламента», но, эвакуировавшись в Томск, по совету своего учителя Е. А. Косминского, защитила там диссертацию «Томас Карлейль как историк», в основу которой был положен ее доклад на семинаре по историографии, сделанный в МГУ незадолго до войны¹⁰. Переход на историографическую или источниковедческую тематику, когда центр исследовательского внимания смещался в сторону какого-то конкретного автора-историка или источника, для диссертантов по редким историческим специальностям оказывался одной из возможностей реализации, хотя бы частичной, своих научных планов в условиях отсутствия необходимой литературы в эвакуации. Но при этом нельзя не заметить, что внимание к историографическим штудиям начало расти до войны (в качестве примера можно привести докторские диссертации Н. Л. Рубинштейна (1940) и О. Л. Вайнштейна (1940)). По подсчетам Л. И. Бородкина и Г. Д. Бурдея, около 20% всех защищенных диссертаций в военное время историографические или источниковедческие по тематике¹¹.

Перечень конкретных приоритетных вопросов исторической науки помогает установить единственное в годы войны специализированное в этой области издание — «Исторический журнал». Анализ его содержания позволяет выявить и стилистические особенности научных текстов изучаемого периода¹². Сам журнал, эволюционировав уже в первые месяцы военных действий в сторону пропагандистского органа, ориентировал авторов на написание публицистического и научно-популярного материала. Характерно, что в середине 1944 г., когда его редакционная политика изменилась, вышедшие в предшествующие годы войны номера критиковались за бессодержательный характер статей,

не имеющих отношения к науке¹³. Кроме того, в годы войны широкое распространение получила брошюра (примерно 2 п. л.), средний тираж которой — 23 тыс. экземпляров — превосходил показатели довоенных лет¹⁴. Написание такой научно-популярной литературы, где в центре внимания была великая победоносная историческая личность или выдающееся по проявлениям героизма событие, прославляющее силу русского оружия, руководство Института истории Академии наук СССР ориентировало своих сотрудников, в том числе и аспирантов. Для примера отметим некоторые вышедшие из-под пера сотрудников ЛОИИ за первую половину 1942 г. публикации: «Великое народное ополчение» (А. В. Предтеченский, Ш. М. Левин, Б. М. Кочаков; 70 тыс. экземпляров; 1 п. л.); «Брусилковский прорыв» (Ш. М. Левин; 70 тыс. экземпляров; 2 п. л.); «Боевые традиции парижских рабочих» (А. И. Молок; 40 тыс. экземпляров; 2,5 п. л.); «Отечественная война 1812 г. и крушение Наполеоновской империи» (Е. В. Тарле; 70 тыс. экземпляров; 3 п. л.); «Великий русский полководец А. В. Суворов» (Б. М. Кочаков; 70 тыс. экземпляров; 2 п. л.) и другие¹⁵.

В ряду запросов общественности была, например, и публичная лекция. Так, сотрудники Ленинградского отделения Института истории АН СССР уже в первые пять месяцев войны прочитали около 100 лекций «в частях и госпиталях Ленинградского фронта, в подшефных госпиталях и в Ленинградском Доме ученых для партактива Василеостровского района и т. д.»¹⁶. Согласно другому отчету, за первое полугодие 1943 г. директор ЛОИИ М. В. Левченко в частях Красной армии, на фабриках и заводах выступил с 45 лекциями, антиковед Д. П. Каллистов — с 75, византинист Н. С. Лебедев — с 27¹⁷.

Однако осуществить успешный переход к научно-популярному жанру удалось не всем историкам. Е. В. Тарле говорил по этому поводу: «Писать маленькие книжки очень трудно. Слишком общие темы скучны, надо подбирать конкретные факты, с учетом того, что нынешние красноармейцы и краснофлотцы — очень требовательные читатели. Им нельзя преподносить известные и избитые факты, их надо развлечь, дать им соответствующую зарядку и сообщить наименее известные подробности»¹⁸. Опасения академика были не напрасны. На деле поголовное привлечение сотрудников исторических институтов к написанию подобной литературы, без учета способностей, привело в итоге к тому, что около 70% готовых брошюр оказались забракованными¹⁹. Диссертации же некоторых молодых исследователей отошли на задний план. На обсуждении аспирантов в Институте истории АН СССР в августе 1943 г. В. И. Пичета подчеркивал большую занятость молодых ученых в деле написания брошюр. Он с недоумением отметил факт назначения бригадиром группы по публикации одной из книг лица, «которое еще научно не окрепло», т. е. аспиранта²⁰. По информации из письма этнолога Е. Э. Бломквист Н. П. Гринковой, в конце 1942 г. историки подверглись жесткой критике от ЦК ВКП(б) за подготовленную популярную литературу. Вероятно, имелось в виду не только ее низкое качество, но и полная переориентация академических институтов на эту работу. Приехав-

ший из Москвы в Ташкент партийный функционер Тараканов, беседу которого с Б. Д. Грековым и А. Д. Удальцовым пересказала в письме Бломквист, заявил о новой установке — на «серьезные научные исследования»²¹. Позже, 9 ноября 1943 г., А. Д. Удальцов, выступая на ученом совете по вопросу перспективного пятилетнего плана Института истории, говорил о близком поражении гитлеровской Германии и необходимости в связи с этим наметить решение крупных актуальных вопросов, чтобы достойно предстать перед мировой наукой²². При этом нельзя не заметить, что работа по популяризации истории, выступления в военных частях или перед крестьянским населением нередко позволяли историкам улучшить свое материальное положение, получить дефицитные товары.

Популяризаторская деятельность сказывалась и на содержании диссертаций. Академический язык упрощался, приближаясь к языку массового читателя. В текстах квалификационных работ стали появляться элементы художественного стиля и публицистики, а патриотическая риторика иногда даже подменяла анализ источников. Приведем выдержку из кандидатской диссертации Л. А. Дербова, защищенной в эвакуированном в Саратов ЛГУ, о тяжелом положении крестьян в Прибалтике в XVI в. под «игмом» Ливонского ордена: «Растущая праздность и роскошь господствующих классов сопровождалась дальнейшим обнищанием крестьянства. В то время, когда у дворян и богатых немецких бюргеров на их празднествах бочками разливались дорогие вина и ломились столы от изысканных кушаний, эсты и латыши питались скудным толокном, а в случае неурожая грызли древесную кору и корни трав»²³.

Уже с конца 1942 г., после принятия решения о возобновлении набора в аспирантуру и отзыва части аспирантов с фронта и с работы в отраслях народного хозяйства, стали проводиться специальные проверки состояния аспирантуры в разных вузах, в частности в московских образовательных учреждениях, на основании чего 2 января 1943 г. ВКВШ выпустил приказ, где в преамбуле констатировались нарушения и недостатки в функционировании системы подготовки научных кадров, а в основной части предписывались меры по исправлению сложившейся ситуации²⁴. Большая часть проблем была порождена, очевидно, условиями войны. Так, отмечалось, что прием в аспирантуру проходит без надлежащего учета потребности в научных работниках по существующим специальностям и без тщательного отбора кандидатур. Последнее связано в целом с низким конкурсом в аспирантуру в эти годы. Даже в Академии наук имелись случаи, когда в аспирантуру приходили «иждивенцы», желавшие поправить свое материальное положение за счет стипендии²⁵, а докторантами становились порой лица, которые не имели представления о статусе и научном уровне докторской диссертации. Приведем пример. В августе 1943 г. некая Цитович представляла на ученом совете Института истории АН СССР план своей докторской диссертации «История ноябрьской революции 1918 г. [в Германии]», которая, по сути, являлась фактологической и излагала события в Германии с марта до конца июля 1919 г. Проблема состояла в том, что эта научная

работа должна была стать продолжением ее кандидатской диссертации, тоже посвященной ноябрьской революции в Германии, но ограниченной событиями ноября 1918 — февраля 1919 г. В. И. Пичета на обсуждении настаивал, что докторская диссертация не может представлять расширенный вариант кандидатской и иметь с ней одинаковый предмет исследования²⁶. Ученый совет согласился с этим мнением; Цитович, по всей видимости, так и не защитилась.

Другой комплекс проблем, тормозящий освоение учебной программы аспирантуры, имеет исток в дискуссии еще довоенного времени. Ряд профессоров, приравнивая аспирантов к студентам, требовали от них выполнения плана по общим историческим дисциплинам в ущерб специальной подготовке. В приказе ВКВШ 1943 г. порицались «студенческие методы» обучения аспирантов (лекции, семинары) и предписывалось делать акцент на самостоятельном освоении готовящимися к получению ученой степени необходимого материала при консультациях с научным руководителем. Усиление контроля над научной работой аспиранта предполагалось осуществить путем регулярных проверок индивидуального плана (появился еще в конце 1930-х гг.), составление которого признавалось обязательным, как и представление промежуточных результатов по его выполнению в виде доклада на факультетских ученых советах не реже 1 раза в год. Повышалась и персональная ответственность научного руководителя. При этом в документах ВКВШ и ВАК еще 1930-х гг. почти невозможно обнаружить даже упоминаний о нем: он был фигурой скорее неформальной, а аспирант считался прикрепленным к кафедре/сектору.

Вопрос о роли научного руководителя в подготовке кадров поднимался и в ходе обсуждения состояния аспирантуры на ученом совете Института истории АН СССР 23 августа 1943 г. В частности, историк-русист А. И. Яковлев, ученик В. О. Ключевского, отмечал, что в условиях, когда из столицы на восток страны перевезены большие объемы архивных документов, и в Москве ощущается недостаток исторических источников по ряду вопросов истории, именно руководитель должен «указывать молодым дорогу» и определять тему с учетом доступных документов, а также помогать их читать и анализировать²⁷. Медиевист А. Д. Удальцов настаивал на определении проблематики диссертаций соискателей с учетом сложившихся в учреждении научных школ и традиций²⁸. Тем самым отмечалась важность персонального фактора во взращивании нового поколения ученых. Заметим, в раннесоветские годы так называемые «персональные школы» дореволюционной России подвергались жесточайшей критике, поскольку считалось, что подготовка новых кадров под индивидуальным руководством не обеспечит «широту научного подхода и идеологическую выдержанность»²⁹.

В итоге в «Положении об аспирантуре АН СССР», принятом на заседании Президиума АН СССР 22 декабря 1943 г., ответственность за подготовку аспирантов была возложена на директоров институтов и научных руководителей; а при зачислении в аспиранты отныне учитывались как сданные вступительные экзамены, так и заключение академика / члена-корреспондента / доктора наук — сотрудника института об исследовательских способностях претендента³⁰.

В скором времени, 2 января 1944 г., ВКВШ опубликует новый приказ «О мероприятиях по улучшению подготовки аспирантов в высших учебных заведениях», который в основных своих тезисах повторил предыдущий приказ, что свидетельствует о невыполнении сформулированных в документе от 2 января 1943 г. требований³¹. Важным условием допуска к вступительным испытаниям в аспирантуру стало положительное заключение научного руководителя на основе представленной кандидатом письменной работы. Это нововведение находит параллель в приведенном выше академическом «Положении...», а соответственно, коррелирует со взглядом научного сообщества на процедуру отбора кандидатов в аспиранты. Обращает на себя внимание тот факт, что именно в 1944 г. на историческом факультете МГУ в качестве обязательного элемента итоговой аттестации были введены защиты дипломных работ (после восстановления исторического образования в 1934 г. студенты в конце срока обучения сдавали только государственные экзамены), которые тогда при большом скоплении заинтересованной публики проходили на заседаниях кафедр (заслушивали не более двух-трех выступлений дипломантов в день, предполагались и отзывы рецензентов). Мероприятие, как отмечал в обзорной статье А. В. Арциховский, представляло собой, по сути, публичный отчет структурных подразделений факультета об учебной работе. Первый опыт был признан весьма удачным и способствующим выработке навыков самостоятельного анализа источников и критического изучения литературы³². Дипломный проект являлся хорошей основой для подготовки требуемой при поступлении в аспирантуру письменной работы. Заклучая изложение приказа от 2 января 1944 г., добавим, что доклады по разделам диссертации предписывалось отныне представлять чаще — не реже одного раза в полгода на кафедре. Сам же аспирант позиционировался как полноправный член кафедры, а не просто обучающийся.

Характеризует ситуацию с аспирантской подготовкой и приказ ВКВШ от 24 апреля 1944 г. «О необоснованных ходатайствах об освобождении от сдачи кандидатских испытаний соискателей ученых степеней кандидата наук»³³. Согласно еще довоенным правилам, поступившие в аспирантуру должны были сдать четыре «кандидатских» испытания: диалектический и исторический материализм, основную дисциплину, специальную дисциплину в соответствии с избранной диссертацией и один иностранный язык³⁴. Причем если для первого из названных экзаменов имелась утвержденная ВКВШ программа, то по отношению к основной и специальной дисциплинам в документе оговаривалось лишь то, что они сдаются «в объеме соответствующего аспирантского курса»³⁵. Такая неопределенность на деле приводила к трудоемкой подготовке к испытанию «по специальности», преодоление которого сильно растягивалось во времени. Так, например, испытание для аспирантов-антиковедов, еще по дореволюционной традиции, подразумевало вопросы не только по античной истории, но и по истории греко-римских древностей и литературе, а также переводы древних авторов.

В целом, появление приказа ВКВШ от 24 апреля 1944 г. стало следствием резкого роста числа случаев освобождения соискателей от кандидатских испытаний. Приведем два выявленных нами и запечатленных в эго-источниках случая, позволяющих понять причины распространения этого явления. Один из них относится к истории сдачи кандидатских экзаменов Зией Аскатовичем Аминевым (1914–1969), который, окончив в 1939 г. Московский государственный педагогический институт им. К. Либкнехта, стал первым зав. кафедрой истории Бирского педагогического института, а в годы войны — и аспирантом Института истории АН СССР. В одном из своих писем от 25 июля 1943 г. А. Б. Рановичу, доктору наук, историку-антиковеду, старшему научному сотруднику Института истории АН СССР, с которым Аминев познакомился, когда тот был в эвакуации в Бирске, он рассказывает, как ездил сдавать кандидатские минимумы в Казань. Там ему отказали в приеме экзамена по истории СССР, поскольку в городе не было профессора по специальности. Причем сам З. А. Аминев не располагал ни программой, ни списком литературы, а подготовку осуществлял исходя из собственных представлений о содержании экзамена и слухов. Показательны строки из его письма: «*Говорят* (курсив мой. — А. С.), что нужно иметь какую-то направленность и обращать главное внимание на те разделы, которые связаны с диссертационной темой»³⁶. Однако у аспиранта не была утверждена и тема диссертации. З. А. Аминев обращается за советом к А. Б. Рановичу, предлагая такой вариант: «Крестьянская реформа (вероятно, 1861 г. — А. С.) в Башкирии». Письмо завершается следующими словами: «Абрам Борисович, я бы просил Вас указать мне, стоит ли брать такую тему; если тема подходящая, [то] посоветовать, как приступить и в каком направлении разрабатывать эту тему, а может быть, Вы сами посоветуете какую-нибудь тему в пределах второй половины XIX и начала XX в. <...>»³⁷. В качестве последнего штриха укажем, что З. А. Аминев только в 1950 г., окончив Академию общественных наук при ЦК ВКП(б), защитил кандидатскую диссертацию совсем на другую тему: «Создание первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР».

Обращение к эпистолярному наследию уже упоминавшейся Е. Э. Бломквист позволяет обнаружить другой пример освобождения от сдачи кандидатских испытаний. В середине 1943 г. Е. Э. Бломквист получила письмо из блокадного Ленинграда от М. Д. Торэн, сотрудницы Ленинградского отделения Института антропологии и этнографии АН СССР, в прошлом выпускницы восточнославянского цикла этнографического отделения географического факультета ЛГУ (1930 г.), с просьбой о помощи в организации «заочной» защиты кандидатской диссертации в Ташкенте. Упрощенная процедура присуждения ученой степени позволялась в случае нахождения соискателя на фронтовой территории (Ленинград с окрестностями относился к таковой). Для М. Д. Торэн повышение квалификации стало вопросом выживания, поскольку благоприятный исход дела позволил бы ей получать паек не служащего, а рабочего. Однако для организации диспута М. Д. Торэн следовало сдать кандидатский минимум

по специальности, поэтому в письме она просит Е. Э. Бломквист поспособствовать тому, чтобы ей зачли это испытание на основании отзывов о ее научных публикациях. В марте 1944 г. благодаря поддержке С. П. Толстова ходатайство М. Д. Торэн на ученом совете в Ташкенте было удовлетворено³⁸, однако вскоре началась реэвакуация академических институтов из Средней Азии, да и условия жизни после прорыва блокады улучшились, поэтому и дело было отложено. Кандидатскую диссертацию М. Д. Торэн удалось защитить только в 1954 г.

Итак, несмотря на тяжелую ситуацию военного времени, институт аспирантуры продолжал играть важную роль в воспроизводстве интеллектуальной элиты Советского Союза. Сокращение численности аспирантов, сложности с набором и качеством подготовки, а также переориентация научных исследований на нужды фронта привели первоначально к некоторой дезорганизации системы подготовки кадров высшей квалификации, поиску способов ее адаптации на местах к новым реалиям. Но с 1943 г. Всесоюзный комитет по делам высшей школы взял курс на ужесточение контроля над аспирантурой. Механизмом осуществления контроля стало усиление формально-бюрократических процедур (отчетные мероприятия, индивидуальные планы) и ответственности научных руководителей. Обновление требований для аспирантов оказалось поводом заново осмыслить их статус, структуру подготовки, целесообразность выполнения ряда выдвигаемых ранее требований. С одной стороны, можно утверждать, что принятые в военные годы меры привели к усилению централизации и унификации процесса подготовки научных кадров, но с другой, делопроизводственные документы подспудно передают понимание участников заседаний неэффективности исключительно директивных мер и признание заслуживающим внимания опыта научных школ, отсылающих к научно-образовательным практикам дореволюционной России.

¹ *Круглянский М. Р.* Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 149; *Левшин Б. В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983. С. 95–98.

² Из приказа № 498 от 22 сентября 1941 г. «О выполнении вузами г. Томска указаний ВКВШ по научно-исследовательской работе на период военного времени» // Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. 1942. № 1–2. С. 8–9.

³ О работе вузов в первом семестре и задачах во втором семестре 1941/1942 учебного года. Приказ № 21 от 13 февраля 1942 г. // Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. 1942. № 1–2. С. 8.

⁴ Об отмене свободного посещения учебных занятий студентами высших учебных заведений. Приказ № 1 от 2 января 1943 г. // Бюллетень ВКВШ при СНК. 1943. № 1. С. 8.

⁵ Инструктивное письмо № Д-09-15/мн от 17 ноября 1941 г. // Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. 1942. № 1–2. С. 9.

⁶ Высшая школа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): очерки истории / Под ред. А. Я. Савельева. М., 1995. С. 29.

- ⁷ Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурге (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 740. Л. 44 об.
- ⁸ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1577. Оп. 2. Д. 69. Л. 27.
- ⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 14. Л. 68.
- ¹⁰ Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С. 218.
- ¹¹ Бурдей Г. Д., Бородин Л. И. Защита диссертаций по гражданской истории в 1941–1945 гг. (Источники, проблематика, динамика) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1993. Т. XXIV. С. 120.
- ¹² См. подробнее: Бурдей Г. Д. Историческая литература в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы: в 4 вып. Вып. 1: Историческая периодика. Саратов, 1995. С. 6–9.
- ¹³ См., например, письмо академика Е. В. Тарле секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову по поводу «Исторического журнала»: Бурдей Г. Д. Историческая литература в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1. С. 8.
- ¹⁴ Бурдей Г. Д., Наумов С. Ю. Историческая литература в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Вып. 3: Историческая книга: системный анализ. Саратов, 1995. С. 5.
- ¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 3. Л. 6.
- ¹⁶ Выписка из протокола заседания Ученого совета Ленинградского отделения Института истории, посвященного работе института за первые пять месяцев войны, 4 декабря 1941 г. // Санкт-Петербургский институт истории РАН: от Археографической экспедиции Императорской академии наук до Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Сб. документов / Под ред. В. Г. Вовиной-Лебедевой. СПб., 2025. С. 163.
- ¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 3. Л. 74–75.
- ¹⁸ Цит. по: Бурдей Г. Д., Наумов С. Ю. Историческая литература в годы Великой Отечественной войны. С. 11–12.
- ¹⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 74. Л. 21 об.
- ²⁰ Там же. Л. 12.
- ²¹ «...твои письма — документ незабываемого времени...». Из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист. 1942–1945. СПб., 2013. С. 147.
- ²² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 79. Л. 29.
- ²³ Дербов Л. А. Борьба за выход к Балтийскому морю во второй половине XVI века. Ч. I. Разгром Ливонского ордена и начало борьбы за Прибалтику с польско-литовским государством: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1943.
- ²⁴ О состоянии подготовки аспирантов в Московском ордена Ленина государственном университете им. М. В. Ломоносова, Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина и Московском государственном педагогическом институте иностранных языков. Приказ ВКВШ и Наркомпроса РСФСР № 15/232 от 27 января 1943 г. // Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. 1943. № 1. С. 9–10.
- ²⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 74. Л. 12. Л. 16.
- ²⁶ Там же. Л. 31 – 31 об.
- ²⁷ Там же. Л. 12.
- ²⁸ Там же. Л. 20.
- ²⁹ Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 180.
- ³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1943). Д. 4. Л. 5, 6.
- ³¹ О мероприятиях по улучшению подготовки аспирантов в высших учебных заведениях. Приказ № 2 от 2 января 1944 г. // Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. 1944. № 1. С. 3–5.
- ³² Етифанов П. П. Первая сессия защиты дипломных работ на истфаке МГУ // Доклады и сообщения исторического факультета [МГУ им. М. В. Ломоносова]. 1945. Вып. 3. С. 49.
- ³³ О необоснованных ходатайствах об освобождении от сдачи кандидатских испытаний соискателей ученых степеней кандидата наук. Приказ № 156 от 24 апреля 1944 г. // Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. 1944. № 6. С. 12–13.

- ³⁴ Инструкция о порядке применения постановлений СНК СССР от 20 марта 1937 г. и 26 апреля 1938 г. «Об ученых степенях и званиях», утвержденная 24 мая 1941 г. // Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. 1942. № 3. С. 7.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Сост.: А. И. Клюев и О. В. Метель. Омск, 2018. С. 25.
- ³⁷ Там же. С. 26.
- ³⁸ «...твоя письма — документ незабываемого времени...». С. 237, 241, 267.

References

- Burdei, G. D. *Istoricheskaya literatura v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Dokumenty i materialy* [Historical Literature During the Great Patriotic War. Documents and Materials. In Russ.]. Iss. 1. Saratov, Obrazovanie publ., 1995. 109 p.
- Burdei, G. D., Naumov, S. Yu. *Istoricheskaya literatura v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Dokumenty i materialy* [Historical Literature During the Great Patriotic War. Documents and Materials. In Russ.]. Iss. 3. Saratov, Obrazovanie publ., 1995. 74 p.
- Burdei, G. D., Borodkin, L. I. Zashchita dissertatsii po grazhdanskoi istorii v 1941–1945 gg. (Istochniki, problematika, dinamika) [Defense of Dissertations on Civil History in 1941–1945 (Sources, Problems, Dynamics)]. In Russ.]. In: *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. 1993. Vol. XXIV, pp. 106–125.
- Chanbarisov, Sh. H. *Formirovanie sovetskoi universitetskoj sistemy* [Formation of the Soviet University System. In Russ.]. Moscow, Vysshaya shkola publ., 1988. 255 p.
- Kruglyanskii, M. R. *Vyshshaya shkola SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Higher School of the USSR During the Great Patriotic War. In Russ.]. Moscow, Vysshaya shkola publ., 1970. 314 p.
- Levshin, B. V. *Sovetskaya nauka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Soviet Science During the Great Patriotic War. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1983. 381 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. М. Скворцов. Аспирантура по истории в 1941–1945 гг.: проблемы адаптации системы подготовки научных кадров к условиям военного времени // Петербургский исторический журнал. 2026. № 1. С. 71–82. DOI: 10.51255/2311-603X_2026_1_71

Аннотация: Статья посвящена особенностям функционирования аспирантуры по истории в период Великой Отечественной войны. Автор анализирует статистические данные, нормативно-правовые акты, делопроизводственные материалы, а также источники личного происхождения, чтобы проследить влияние фактора мобилизации и обстановки военного времени на процесс подготовки научных кадров высшей квалификации. В статье раскрываются проблемы, связанные с набором, качеством подготовки и смещением основных задач аспирантов в сторону агитационно-пропагандистской работы и написание популярной литературы, что отражалось на диссертационных исследованиях. На основе конкретных примеров выявляется тенденция сужения объекта изучения в диссертациях до конкретного источника или автора-историка, в результате чего в военное время наблюдается увеличение историографических и источниковедческих работ. Устанавливается, что с 1943 г. Всесоюзный комитет по делам высшей школы стремится усилить контроль над ходом подготовки аспирантов, что планировалось осуществить с помощью формально-бюрократических процедур (документации в виде индивидуальных планов, отчетных мероприятий и пр.) и повышения ответственности научного руководителя. Последнему в делопроизводственных и нормативных документах уделяется особое внимание, делается акцент на необходимости усиления его взаимодействия с соискателем.

Ключевые слова: аспирантура, Великая Отечественная война, историография, Академия наук СССР, эвакуация.

FOR CITATION

A. M. Skvortsov. Postgraduate Historical Studies in 1941–1945: Problems of Adapting the System of Academic Training to Wartime Conditions // Petersburg Historical Journal, no. 1, 2026, pp. 71–82. DOI: 10.51255/2311–603X_2026_1_71

Abstract: This article examines the specific features of postgraduate education in history during the Great Patriotic War. Drawing on statistical data, legal regulations, administrative records, and personal documents, the author analyzes how wartime mobilization and the general context of war influenced the training of highly qualified academic personnel. The article highlights challenges related to student recruitment, the quality of academic preparation, and the shifting focus of postgraduate activity toward propaganda work and the production of popular literature — trends that had a tangible impact on dissertation research. Concrete examples reveal a tendency to narrow the scope of dissertation topics to individual sources or specific historians, which led to an increase in historiographical and source-critical studies during the war years. Starting in 1943, the All-Union Committee for Higher Education sought to tighten its oversight of postgraduate training. This was to be achieved through formal bureaucratic procedures — including the introduction of individual work plans, reporting activities, and scheduled evaluations — and by strengthening the responsibility of the academic advisor. In both administrative practice and normative documents, particular attention was given to the advisor's role, with an emphasis on intensifying their engagement with the candidate.

Key words: postgraduate studies, Great Patriotic War, historiography, USSR Academy of Sciences, evacuation.

Автор: **Скворцов, Артем Михайлович** — к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН (Москва, Россия).

Author: **Skvortsov, Artyom Mikhailovich** — PhD in History, Associate Professor, Senior Research fellow, S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation).

E-mail: artyom-skvorcov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3287-4154